

РИЗАТ СМАГУЛОВ

ЭХО НУЛЯ

Некоторые послания
лучше никогда
не открывать.

Ризат Ризат

Эхо нуля

<https://litres.ru/74574312>

SelfPub; 2026

Аннотация

Арману девятнадцать, и всю жизнь он прожил под куполом — в мире, где внешний воздух считается смертельно опасным, а будущее можно просчитать почти до мелочей.

Однажды в хранилище он находит запрещённую капсулу с собственным именем. Внутри — сообщение от человека, который утверждает, что является Арманом из будущего. Предупреждение приводит его к тайне исчезновения отца, загадочному проекту ZERO и правде о мире за пределами купола.

Но чем ближе Арман подбирается к разгадке, тем страшнее становится вопрос: кто на самом деле отправляет ему послания — и почему так отчаянно хочет изменить его выбор?

«ЭХО НУЛЯ» — фантастическая история о будущем, памяти, свободе и цене возможности знать, что случится завтра.

Содержание

ЧАСТЬ I. ПОД КУПОЛОМ	4
Глава 1. Послание, которого не должно существовать	4
Глава 2. Две минуты сорок секунд	12
Глава 3. Протокол «Эхо»	19
Глава 4. Карта, которой нет	26
Глава 5. Отец	34
Глава 6. За стеной	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ризат

Эхо нуля

ЧАСТЬ I. ПОД КУПОЛОМ

Глава 1. Послание, которого не должно существовать

В тот вечер Арман собирался сделать только одну вещь — закончить смену и уйти домой.

В секторе хранения было холодно, как всегда. Белые лампы гудели под потолком, металлические стеллажи уходили в полумрак, а тысячи серых контейнеров лежали в одинаковых ячейках. В каждом хранилась чья-то жизнь: первый день в школе, свадьба, рождение ребёнка, последние слова перед смертью.

За три года работы Арман научился не вслушиваться в чужие воспоминания. Это было первое правило архивистов, хотя в официальной инструкции его не существовало. Проверяешь целостность носителя, сверяешь номер, отмечаешь состояние корпуса — и не задаёшься вопросом, почему на одном контейнере написано «Первый снег», а на другом

«Для дочери после моего ухода». Иначе к концу смены в голове становилось тесно от чужих голосов.

Сегодня всё шло привычно. Роботы-погрузчики шуршали колёсами между рядами, терминалы мерцали холодным голубым светом, из вентиляции тянуло запахом металла и пыли. Где-то за стеной вечерний город переходил на ночной режим: транспорт замедлялся, рекламные панели приглушали яркость, а по внутренней поверхности купола загорались искусственные звёзды. Настоящие почти не было видно из-за защитных слоёв.

Арман не любил искусственное небо. В детстве он однажды спросил отца, зачем рисовать звёзды, если они всё равно существуют. Ильяс тогда поднял его на плечи и ответил: «Потому что людям быстро становится удобно смотреть только на то, что им показывают». Мать засмеялась и сказала, что он опять превращает прогулку в лекцию. Арману было семь. Через два года отец исчез, и фраза осталась в памяти без объяснения.

На рабочем терминале мигнуло сообщение от городской системы: «Напоминание. Завтра профилактика внешнего контура. Жителям сектора В рекомендуется не приближаться к прозрачной стене». Такие предупреждения приходили постоянно. В школе им показывали старые кадры Катастрофы: серое небо, разрушенные здания, люди в защитных костюмах. Учителя повторяли, что купол — причина, по которой они вообще родились. Арман никогда всерьёз это не

оспаривал. Можно сомневаться в правилах, можно ругаться на Совет, но невозможно спорить с воздухом, который, как тебе говорят с детства, убьёт за несколько минут.

Перед окончанием смены он прошёл последний ряд. В ячейке 4417 лежала капсула женщины, которая каждый год записывала поздравление будущей внучке. В 4421 — память инженера, погибшего при ремонте восточной стены. Арман отметил зелёные статусы и машинально посмотрел на пустую ячейку внизу.

Номер на ней отсутствовал.

Он нахмурился. Пустые места в архиве тоже имели номера.

Тогда Арман ещё не знал, что через несколько минут будет вспоминать эту мелочь снова и снова: пустую ячейку, которой не должно было быть, и ощущение, будто кто-то заранее освободил место для вещи, ещё не попавшей в хранилище.

Люди называли их капсулами памяти. Арман — чужими призраками.

— Девятнадцать пятьдесят восемь, — пробормотал он, посмотрев на браслет. — Ещё две минуты.

Он закрыл программу проверки, снял перчатки и уже потянулся к выключателю терминала, когда в дальнем конце склада что-то упало. Глухой металлический удар прокатился между рядами.

Арман включил фонарь на браслете и пошёл на звук. Сек-

ция сорок два. Сорок три. Сорок четыре.

На полу лежал небольшой чёрный контейнер.

Не серый. Не белый. Чёрный.

Таких в реестре хранилища не существовало.

Он поднял его. Корпус был покрыт тонкими царапинами, словно устройство много раз пытались вскрыть. На боковой пластине не было государственного номера. Только имя.

АРМАНУ СМАГУЛОВУ.

Он перечитал надпись дважды. Совпадение, решил Арман. В городе жили десятки тысяч людей. Совпадения случались.

Под именем была выгравирована дата:

17 МАЯ 2094 ГОДА.

Арман нахмурился. Сейчас шёл 2074-й.

Внутри что-то щёлкнуло. На крышке загорелся красный индикатор, затем белый. Ближайший терминал проснулся сам.

НЕИЗВЕСТНЫЙ НОСИТЕЛЬ.

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ НАЧАТО.

Из динамика послышалось тяжёлое дыхание.

— Арман...

Он отступил от стола.

Голос был его. Только старше, грубее, уставший так, будто принадлежал человеку, который давно перестал нормально спать.

— Если ты это слышишь, значит всё началось раньше, чем я рассчитывал. Послушай меня внимательно. У тебя будет очень мало времени.

Лампы мигнули.

— Не доверяй Совету. Не доверяй никому, кто скажет, что знает, что находится за куполом. И главное...

На записи прогремел далёкий удар.

— Что бы ни случилось, не позволяй им открыть Капсулу номер ноль. Папа был прав.

За несколько секунд до отключения света Арман успел заметить ещё одну странность. Когда взрослый голос произнёс слова о Капсуле номер ноль, терминал показал короткий всплеск сетевой активности. Пакет ушёл не в центральный архив и не в службу безопасности, а в закрытый контур, существование которого обычным сотрудникам даже не показывали.

Арман машинально нажал на строку. Доступ был запрещён, но на долю секунды возникло название маршрута: ZERO/LEGACY.

Он не знал, что означает «legacy». В архивных системах так помечали старые компоненты, которые невозможно удалить, потому что от них зависела половина современной инфраструктуры. Арман вспомнил, как начальник однажды говорил: самые опасные программы — не новые, а те, которые настолько старые, что никто уже не понимает, зачем они нужны.

— Ноль, — тихо повторил он.

Взрослый Арман на экране уже молчал. Изображение застыло, но выражение лица казалось странным: не испуг, не боль, а ожидание. Будто человек по ту сторону записи не просто предупреждал — проверял, как Арманотреагирует.

Он попытался перемотать сообщение. Система отказала. Попытался скопировать файл. Отказ. Запросил метаданные. Вместо привычной даты создания увидел набор цифр, которые терминал пометил как ошибку синхронизации.

— Ты ведь запись, — сказал Арман экрану. — Тогда води себя как запись.

Экран погас.

Где-то далеко хлопнула дверь.

Он замер и прислушался. Сначала ничего. Потом — шаги. Размеренные, не похожие на ночного техника. Кто-то двигался по складу уверенно, будто точно знал, куда идти.

Арман посмотрел на чёрную капсулу. Он мог оставить её на столе. Поднять руки. Объяснить всё начальству. Наверняка существовало нормальное объяснение. Возможно, его задержат на час, зададут вопросы, заберут устройство и отпустят домой.

Это был разумный выбор.

И именно поэтому Арман вспомнил отца.

Ильяс часто раздражал окружающих привычкой спрашивать: «Кому выгодно, чтобы это казалось единственным разумным выбором?» В детстве Арман считал эту фразу оче-

редной взрослой причудой. Сейчас она прозвучала в голове слишком ясно.

Он быстро открыл журнал доступа к ячейке сорок четыре. Последняя официальная операция значилась семь лет назад. Но ниже, в скрытой строке, которую терминал успел показать до блокировки, стояла сегодняшняя дата — за три минуты до начала его смены.

Кто-то поместил капсулу сюда специально.

Не двадцать лет спустя. Не случайно.

Сегодня.

Арман почувствовал, как страх меняется. До этого он боялся непонятного устройства. Теперь он боялся людей, которые знали, что устройство окажется у него.

Шаги приблизились. В динамике аварийной связи что-то щёлкнуло, и спокойный служебный голос произнёс:

— Сотруднику Арману Смагулову оставаться на рабочем месте. Повторяем: оставаться на рабочем месте. Это стандартная процедура безопасности.

Стандартная процедура.

В ночном архиве, куда только что пришла неизвестная группа из закрытого контура.

Арман закрыл журнал. Рядом с терминалом висела фотография сотрудников смены, сделанная месяц назад. Он стоял на краю, неудачно моргал, Тимур показывал два пальца за головой начальника. Обычная жизнь, в которую Арман ещё мог попытаться вернуться.

Он понял, что не верит.

Тогда и погас свет.

Через секунду включились аварийные красные лампы. На терминале возникла новая надпись:

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП ОБНАРУ-
ЖЕН.

ГРУППА ПЕРЕХВАТА НАПРАВЛЕНА.

ВРЕМЯ ДО ПРИБЫТИЯ: 02:41.

До этого момента самым серьёзным нарушением Армана было опоздание на работу.

Он сунул чёрную капсулу под куртку и побежал.

Глава 2. Две минуты сорок секунд

Красный свет вспыхивал через каждые несколько метров, превращая коридор то в алую полосу, то снова в темноту. Капсула ударялась о бок под курткой.

02:17.

Две минуты казались смешным временем, пока их не начали отсчитывать за тебя. Арман успел представить десяток объяснений происходящему и отверг каждое. Ошибка системы? Тогда зачем группа перехвата. Розыгрыш? Никто не смог бы подделать доступ к архивным терминалам. Провокация Совета? Слишком сложно ради техника третьего уровня, который даже налоговую декларацию заполнял с подсказками.

Он мчался мимо знакомых дверей, которые вдруг стали чужими. За стеклом комнаты контроля пустовали рабочие места его коллег. На столе Лины осталась кружка с нарисованным котом, у автомата выдачи перчаток валялась упаковка печенья. Ещё час назад Арман спорил здесь о том, кто возьмёт ночную смену в пятницу. Теперь каждое обычное предмет казался частью жизни, из которой его выдернули без предупреждения.

На пересечении коридоров он почти столкнулся с уборочным дроном. Машина остановилась, распознала сотрудника и вежливо попросила освободить путь. Арман схватил

её за корпус и развернул поперёк прохода. Через несколько секунд позади послышался удар и ругань преследователей. Детская уловка дала ему, возможно, пять секунд — но теперь пять секунд имели цену.

Он попытался вызвать Тимура по внутренней связи, однако сеть уже показывала его профиль красным: ДОСТУП ОГРАНИЧЕН. Фотография рядом с именем исчезла, будто городской системе потребовалось меньше минуты, чтобы решить, что Арман больше не сотрудник. Следом пришло сообщение: «Оставайтесь на месте. Сотрудники безопасности окажут помощь». Формулировка была настолько спокойной, что стало страшнее.

Когда он добрался до технического шкафа, руки дрожали сильнее, чем хотелось признавать. Отец действительно когда-то водил его по старому дому и показывал скрытые коммуникационные каналы. «Любая система строится людьми, — говорил Ильяс. — А люди любят короткие пути». Тогда Арман думал, что отец учит его чинить электрику. Сейчас это знание спасало ему жизнь.

За стенкой сервисного прохода голоса стали отчётливее. Один из людей в сером спросил, почему сигнал носителя возник именно сегодня. Другой ответил: «Не наше дело. У нас приказ забрать ключ и носителя». Арман замер. Ключ. Мара позже назовёт капсулу тем же словом, но сейчас он не понимал ничего, кроме одного: люди Совета знали о чёрном устройстве раньше него.

Он пополз дальше, стараясь не задевать кабели. Впервые мысль о том, что отец мог знать нечто подобное, перестала казаться случайностью.

Арман дёрнул дверь служебного лифта. Панель ответила:
ДОСТУП ЗАБЛОКИРОВАН.

Позади открылась дверь склада.

— Сектор сорок четыре.

- Камеры отключены.

- Он ещё внутри.

Арман побежал к лестнице. Снизу уже поднималась другая группа. Тогда он вспомнил фразу отца: «Когда тебе показывают два очевидных пути, ищи третий».

За техническим шкафом обнаружился узкий сервисный проход. Арман протиснулся внутрь за секунду до того, как в коридор вошли трое в серых костюмах без знаков отличия.

— След биометрии здесь.

- Живым?

- Пока да.

Сканер пискнул совсем рядом. Арман задержал дыхание.

В этот момент комплекс содрогнулся — где-то выбило трансформатор. Он воспользовался темнотой, прополз по кабельному тоннелю и вывалился в помещение переработки

воздуха.

До внешней двери оставалось меньше ста метров.

У выхода стоял охранник Тимур. Они иногда пили кофе после смены.

— Стоять, — сказал Тимур и потянулся к рации.

— Меня хотят задержать.

— Это я уже понял.

— Мне нужно выйти.

Тимур посмотрел на камеру над дверью. Затем на Армана.

— Если открою, меня уволят.

Из коридора донеслись шаги.

Тимур нажал кнопку.

— Тогда беги быстрее.

Тимур не сразу отпустил кнопку двери. На его лице шла собственная борьба между инструкцией и тем, что он видел перед собой.

— Что ты натворил? — спросил он тихо.

— Если бы я знал, ответ был бы длиннее.

— За тобой пришёл внутренний контур. Они обычно не ходят за людьми твоего уровня.

— Спасибо. Очень поддержал.

Тимур выглянул в коридор. Красный свет скользил по пустым стенам.

— У тебя есть минут тридцать, пока они перекроют наземный транспорт. Может меньше.

— Почему ты помогаешь?

Тимур пожал плечами.

— Потому что два года назад мой брат исчез после «проверки безопасности». Совет сказал, что он добровольно уехал в другой сектор. Только он ненавидел тот сектор и оставил дома лекарства, без которых не мог прожить неделю.

Арман впервые услышал эту историю. Тимур никогда не говорил о семье.

— Ты думаешь, это они?

— Я думаю, когда люди приходят без знаков и говорят «стандартная процедура», лучше сначала открыть дверь, а потом задавать вопросы.

Он снял с пояса старую пластиковую карту.

— Запасной маршрут через служебный двор. Камеры там слепые после ремонта. Если повезёт, успеешь.

— А ты?

— Я скажу, что ты ударил меня.

— Не поверят.

— Тогда ударь.

Арман посмотрел на него.

— Ты серьёзно?

— Нет. Я красивый человек, лицо не трогать.

Несмотря на происходящее, Арман фыркнул. Тимур тоже коротко улыбнулся, но сразу стал серьёзным.

— Что бы ты ни нашёл, не приходи обратно через официальный вход. Они уже переписывают твой профиль.

— Откуда знаешь?

Тимур показал охранный планшет. Вместо фотографии Армана стоял серый силуэт. Под ним: «СТАТУС: ВРЕМЕННО ПРИОСТАНОВЛЕН. УРОВЕНЬ РИСКА: НЕ ОПРЕДЕЛЁН».

— Минуту назад ты был обычным сотрудником, — сказал Тимур. — Теперь система ещё не решила, кем тебя считать. Обычно в такие моменты лучше не ждать решения.

Из дальнего коридора раздалась команда остановиться.

Тимур открыл вторую дверь и подтолкнул Армана.

Служебный двор был заставлен контейнерами. Над ними мерцали окна жилых башен. Кто-то там мыл посуду, укладывал детей спать, смотрел вечерние новости. Арман вдруг отчётливо захотел оказаться одним из них — человеком, для которого главной проблемой остаётся поздняя смена.

На стене напротив висел огромный городской экран. Ведущая сообщала об очередном успешном дне Совета и о том, что внешний периметр остаётся стабильным. Внизу бежала привычная строка: «Безопасность начинается с доверия».

Арман задержался на секунду.

— Иди! — прошипел Тимур.

Он побежал между контейнерами. Над крышей архива поднялся дрон, луч сканера прошёл по двору. Арман нырнул под транспортную платформу, прополз между колёсами и выскочил с другой стороны. Дрон повернулся, но на мгновение потерял цель.

У внешней калитки Арман приложил карту Тимура. Она

сработала.

Позади двери кто-то крикнул имя охранника.

Тимур не ответил.

Арман хотел вернуться, но понимал: тогда помощь станет бессмысленной. Он пересёк последний коридор, увидел перед собой ночную улицу и впервые ощутил, что город, в котором прожил всю жизнь, теперь охотится за ним.

Холодный ночной воздух ударил Арману в лицо. Над городом поднимался прозрачный купол — огромная дуга, закрывавшая горизонт. За ней, как учили с детства, не было ничего, кроме отравленной земли.

На браслете высветилось 00:00, затем:

ОБЪЕКТ ПОКИНУЛ КОМПЛЕКС.

НАЧАТЬ ПРОТОКОЛ «ЭХО».

Капсула нагрелась под курткой и тихо произнесла голосом взрослого Армана:

— Теперь они знают, что ты её нашёл.

Глава 3. Протокол «Эхо»

Домой Арман не пошёл. Если Совет действительно искал его, квартира была первым местом, куда они пришли бы.

Он спустился в старые транспортные тоннели. Когда-то здесь ходили поезда, теперь по рельсам гулял только холодный воздух.

Старые тоннели считались закрытыми после эпидемии плесени, но Арман знал, что несколько технических входов оставались незапечатанными. Под городом пахло мокрым бетоном и ржавчиной. Сверху, за несколькими метрами грунта и металла, продолжалась нормальная жизнь. Поезда нового кольца развозили людей по домам, кафе закрывали кухни, школьники наверняка спорили в сетях. Никто не знал, что городская служба безопасности гонится за человеком с чёрной капсулой.

Арман сел на край старой платформы и впервые позволил себе подумать о квартире. Там оставалась куртка отца, которую он так и не смог выбросить, коробка с семейными фотографиями, чашка матери с трещиной на ручке. Если группа перехвата уже пришла туда, они будут трогать эти вещи, открывать шкафы, читать старые сообщения. От одной мысли стало противно.

Он достал из кармана маленькую бумажную фотографию — редкость, почти музейный предмет. На снимке девяти-

летний Арман сидел на плечах Ильяса у городского озера. Мать стояла рядом и шурилась от света. За их спинами поднималась дуга купола. Тогда эта фотография казалась изображением счастливого дня. Теперь Арман заметил, что отец смотрит не в камеру, а куда-то в сторону стены.

В тоннеле ожил старый громкоговоритель. После треска прозвучал официальный голос: «В центральном архиве произошёл технический инцидент. Просим жителей сохранять спокойствие. Распространяемые в сети слухи не соответствуют действительности». Арман коротко рассмеялся. Прошло меньше часа, а Совет уже объявлял слухами то, о чём жители ещё не успели узнать.

Когда на капсуле появилось имя Мары, первое чувство было раздражением, почти облегчением. Конкретная задача проще неизвестности. Второе чувство оказалось хуже: вина.

Три года назад они вместе пытались восстановить старый воздушный фильтр, найденный отцом Мары. Арман заметил на устройстве символ экспедиции А-17 и начал задавать вопросы. Мара потребовала оставить тему. Он не остановился. В споре Арман сказал, что их отцы, возможно, сами виноваты в исчезновении. Мара ударила его по щеке и выставила из мастерской. Уже на следующий день он понял, насколько жестоко это прозвучало, но извиниться нормально так и не смог.

По дороге к промышленному району город выглядел как всегда. Именно это пугало больше всего. Над улицами плы-

ли объявления Совета: «Безопасность — наша общая ответственность». У прозрачной стены двое детей фотографировались рядом с табличкой «Внешняя зона. Смертельная опасность». Арман задержал взгляд и неожиданно вспомнил предупреждение взрослого себя: не доверяй никому, кто скажет, что знает, что находится за куполом.

Он ускорил шаг.

Арман положил капсулу на бетонный блок.

— Кто ты?

Экран включился.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ.

АРМАН СМАГУЛОВ. ВОЗРАСТ: 19.

ВРЕМЕННОЕ СОВПАДЕНИЕ: 61%.

Появилось лицо мужчины лет сорока — то же, что на первой записи.

— Если ты дошёл до этого сообщения, протокол «Эхо» уже запущен. Это система поиска всех, кто вступил в контакт с запрещёнными носителями. Она видит камеры, транспорт, городские браслеты. Первое правило: избавься от своего.

Арман снял устройство и бросил на рельсы.

— Второе: не иди домой.

— Уже догадался.

— Третье...

Запись оборвалась.

ДОСТУП К СЛЕДУЮЩЕМУ ФРАГМЕНТУ ОГРАНИ-
ЧЕН.

УСЛОВИЕ: НАЙТИ МАРУ КАРИМОВУ.

Мара Каримова была последним человеком, которого Арман хотел видеть. Три года назад они поссорились так, что с тех пор разговаривали только при крайней необходимости.

Через сорок минут он стоял у её мастерской в промышленном районе.

— Закрыто, — отозвалось изнутри.

— Мара. Это Арман.

Дверь приоткрылась.

— Нет.

— Ты даже не знаешь, зачем я пришёл.

— Последний раз, когда ты пришёл, после тебя неделю не работало охлаждение.

Сирена где-то вдаль заставила её замолчать. Затем Мара увидела чёрную капсулу в его руках.

Её лицо изменилось.

Мара не позволила ему сразу ответить. Она выключила основной свет, включила старый автономный генератор и прошла по комнате с маленьким детектором сигналов. Прибор дважды пискнул возле Армана.

— Телефон.

Он отдал.

— Ещё.

— У меня ничего нет.

— Браслет?

— Выбросил.

Она провела детектором по куртке. Прибор зашёлся короткими импульсами возле капсулы.

— Вот и нашлось.

Мара положила устройство в металлический ящик, закрыла крышку и только тогда включила обычную лампу.

— Теперь рассказывай с начала. И без своей привычки пропускать «неважные» детали.

Арман пересказал смену, запись взрослого себя, группу перехвата, Тимура и протокол «Эхо». По мере рассказа Мара перестала являть. Особенно её заинтересовало имя протокола.

— Папа однажды сказал это слово, — произнесла она. — Я думала, название прибора.

— Когда?

— Перед последней экспедицией. Они с твоим отцом спорили у нас на кухне. Я слышала только кусок. Ильяс сказал: «Если появится Эхо, мы уже опоздали». Папа ответил, что система вообще не должна уметь отвечать.

Арман почувствовал неприятное покалывание в затылке.

— Ты никогда не рассказывала.

— Ты никогда не спрашивал нормально.

Это было справедливо.

Мара достала старую коробку с вещами Рашида. Среди

инструментов лежал сложенный лист бумаги. На нём — круг с нулём и четыре слова: «КЛЮЧ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НОСИТЕЛЕМ».

— Что это значит?

— Не знаю. Я годами думала, что речь о шифровании.

Она открыла металлический ящик. Капсула не подавала признаков жизни.

— Если это ключ, — продолжила Мара, — то запись внутри может быть просто интерфейсом. Не обязательно настоящим сообщением из будущего.

Арману не понравилось, насколько быстро эта мысль показалась разумной.

— Голос был мой.

— Голос можно синтезировать.

— Он знал про отца.

— Полгорода знает, что твой отец исчез в экспедиции.

— Он назвал Капсулу номер ноль.

Мара посмотрела на знак.

— Это уже интереснее.

Она подключила капсулу через старый оптический адаптер, физически не связанный с городской сетью. Устройство долго не отвечало. Затем на экране возникло сообщение: «ОБНАРУЖЕН ДОВЕРЕННЫЙ УЗЕЛ: КАРИМОВА».

Мара отдёрнула руки.

— Оно знает мою фамилию.

— Может, из-за твоего отца.

— Или из-за того, что ждало, когда ты придёшь именно сюда.

Они замолчали.

Арман вдруг понял, что маршрут к Маре ему дал тот же голос, которому он пока верил. Он не сам выбрал единственного человека, способного разобрать капсулу. Его привели.

— Если это ловушка, — сказал он, — мы уже внутри.

Мара достала набор инструментов.

— Тогда хотя бы посмотрим, из чего она сделана.

Только после этого она снова спросила:

— Где ты это взял?

— Где ты это взял?

Через секунду Арман уже был внутри, а жалюзи на окнах опускались.

Мара перевернула устройство и показала едва заметный знак на нижней панели: круг, внутри которого стоял ноль.

— Мой отец рассказывал про такие до того, как исчез.

Отец Мары пропал в том же году, что и Ильяс Смагулов.

— Что это? — спросил Арман.

— Не обычная капсула.

Мара положила устройство на стол.

— Это ключ.

Глава 4. Карта, которой нет

Мара сняла внешнюю оболочку капсулы и нашла под ней дополнительный модуль. Он был слишком старым для современных стандартов и слишком сложным для архивного устройства.

Мастерская Мары была единственным местом в городе, где техника выглядела живой. Детали лежали не по государственным каталогам, а по её собственной логике: старые платы рядом с инструментами, механические часы возле квантовых датчиков, на стене — разобранный радиоприёмник, который, по словам Мары, ловил «музыку из времён, когда люди не боялись помех».

Она работала быстро и почти не разговаривала. Арман заметил, что на столе по-прежнему лежит тот самый воздушный фильтр, из-за которого они поссорились. Теперь он был восстановлен и аккуратно подписан: «А-17. Личный архив Р.К.». Р.К. — Рашид Каримов, отец Мары.

— Я тогда был идиотом, — сказал Арман, пока она снимала защитную пластину капсулы.

— Был?

— Ладно. Возможно, формулировка требует доработки. Уголок её рта дёрнулся, но улыбкой это не стало.

Арман всё же продолжил:

— Я не должен был говорить про наших отцов.

Мара задержала отвёртку на полпути.

— Не должен был.

— Прости.

Она кивнула один раз. Не простила мгновенно, не сказала, что всё забыто. И от этого короткое движение показалось честнее любого примирения.

Когда модуль ожил, на экране сначала появились служебные строки. Мара читала их вслух: дата производства отсутствует, серийный номер не зарегистрирован, система шифрования старше городских стандартов минимум на двадцать лет. Потом она обнаружила пакет координат.

— Смотри, — сказала она. — Это не просто карта. Здесь слои обновлялись.

— Когда последний?

Мара увеличила журнал.

— Три недели назад.

Арман почувствовал неприятный холод. Карта внешнего мира не была забытым архивом. Кто-то продолжал собирать данные за куполом прямо сейчас.

Они увидели дороги, линии электропередачи и отметки, похожие на населённые пункты. Некоторые имели названия, другие были обозначены только цифрами. По одной дороге двигалась крошечная зелёная точка.

— Транспорт, — прошептала Мара.

— Там?

— Если данные настоящие.

Арман приблизил лицо к экрану. Всё, чему его учили, рушилось не одним великим разоблачением, а маленькими деталями: работающей дорогой, обновлением карты, движущимся объектом. Ложь становилась особенно убедительной именно потому, что выглядела буднично.

Перед отключением света Мара успела скопировать часть карты на автономный накопитель. Она сунула его во внутренний карман и бросила Арману небольшую сумку.

— Что там?

— Вода, инструменты, два фильтра и еда на сутки.

— Ты всегда держишь сумку для побега?

— После исчезновения отца — да.

Арман хотел спросить, сколько лет она ждала момента, когда эта сумка понадобится. Но снаружи уже хлопнули двери машин.

Подключившись через автономный компьютер, она вывела на экран карту города. Затем масштаб уменьшился.

Появился весь купол.

А потом территория за ним.

Дороги. Реки. Старые населённые пункты. Несколько ярких отметок.

Арман стоял, не в силах отвести взгляд.

— Нам говорили, там всё уничтожено.

— Нам вообще много чего говорили, — ответила Мара.

В трёхстах километрах от города светилась точка: СЕКТОР А-17. Рядом — знак нуля.

В памяти капсулы обнаружился ещё один защищённый файл.

ТРЕБУЕТСЯ ДВОЙНАЯ БИОМЕТРИЯ.

АРМАН СМАГУЛОВ.

ИЛЬЯС СМАГУЛОВ.

Арман почувствовал, как внутри всё сжалось. Десять лет он слышал одну версию: экспедиция отца погибла, выживших нет.

Пока карта оставалась на экране, Мара открыла один из слоёв, который сначала приняла за служебные отметки. По всей территории вокруг куполов были нанесены тонкие линии, сходящиеся к нескольким узлам. Они не совпадали с дорогами.

— Это связь, — сказала она.

— Между чем?

— Между городами. Или между чем-то под ними.

Один узел находился прямо под их куполом. Второй — возле А-17. Третий совпадал с точкой, подписанной просто «0».

Мара попробовала определить тип сигнала и неожиданно получила ответ от капсулы. На экране появились старые протоколы обмена. Среди пакетов встречались даты из будущего: 2078, 2086, 2094.

Арман указал на последнюю.

— Та же дата, что на моей капсуле.

— Не совсем. Там был май. Здесь сообщения идут весь год.

— Значит, эта штука общается с будущим постоянно?

— Или заставляет нас так думать.

Мара всегда была осторожнее в выводах, и сейчас Арман был ей за это благодарен.

Они попытались открыть один пакет 2094 года. Капсула запросила биометрию Ильяса. Затем экран мигнул и показал короткую строку: «ЯКОРЬ 1 АКТИВЕН».

— Кто первый якорь? — спросил Арман.

Мара смотрела на имя отца в защищённом файле.

— Я бы поставила деньги на Ильяса. Если бы у меня были деньги.

— А второй?

Она посмотрела на Армана.

— Не нравится мне твоя способность задавать вопросы, на которые ответ уже написан перед нами.

Арман отвернулся от экрана.

— Если отец жив, почему он не связался со мной?

Мара несколько секунд молчала.

— Ты хочешь ответ друга или техника?

— Есть разница?

— Техник скажет: данных недостаточно. Друг скажет: возможно, он не мог.

Арман удивлённо посмотрел на неё. Они слишком дол-

го почти не разговаривали, чтобы слово «друг» прозвучало привычно.

Мара сделала вид, что занята проводами.

— Не привыкай.

На отдельном мониторе возник входящий запрос. Кто-то пытался подключиться к её мастерской через городскую диагностическую сеть.

Мара мгновенно отключила кабель.

— Они сканируют квартал.

— Капсула?

— Возможно. Но есть ещё кое-что.

Она открыла журнал. Запрос пришёл с идентификатора, обозначенного «COUNCIL-ARCHIVE-01».

— Совет имеет прямой доступ к частным мастерским? — спросил Арман.

— Официально — только при чрезвычайной ситуации.

— Видимо, я чрезвычайная ситуация.

— Не льсти себе. Чрезвычайная ситуация — это ключ.

Мара быстро упаковала инструменты. Сняла с полки маленькую фотографию отца и положила в сумку. Арман заметил этот жест, но ничего не сказал.

— Есть задний путь?

— Есть путь, который не отмечен на городских схемах.

— Откуда?

— Папа построил. После одной из экспедиций он вдруг решил, что каждому дому нужен выход, о котором не знает

система.

Арман снова услышал эхо фразы Ильяса про третий путь. Их отцы явно знали одну и ту же опасность задолго до детей.

В этот момент мастерская погасла.

В мастерской погас свет.

Снаружи остановились машины.

— Они нашли нас, — сказала Мара.

— Как?

Она посмотрела на капсулу.

— Похоже, ключ не только открывает двери. Он ещё и сообщает, где находится.

В дверь ударили.

— Государственная служба контроля! Откройте!

Мара выдернула модуль из компьютера, бросила в сумку инструменты и открыла люк в полу задней комнаты.

— Всё оборудование оставим?

— Купить можно почти всё, — сказала она. — Кроме от-
ветов.

Они исчезли в техническом тоннеле за секунды до того, как входную дверь выбили.

На улице мужчина в сером костюме поднял руку к наушнику.

— Объекты ушли. Начать преследование?

Спокойный женский голос ответил:

— Нет. Не трогайте их.

— Почему?

— Они сами приведут нас к Нулю.

Глава 5. Отец

Старый технический тоннель вывел их к внешнему району города. Мара привела Армана в заброшенный жилой блок, где жил человек по имени Данияр Толеев.

Увидев Армана, тот произнёс:

— Ты вырос.

— Мы знакомы?

— Нет. Но я знал твоего отца.

Данияр жил так, словно город давно перестал быть его домом. В комнате почти не было современной техники, окна закрывали плотные шторы, а на полках стояли старые навигационные приборы и бумажные карты. На одной стене висела фотография горного хребта — настоящего, без купола над ним.

— Садитесь, — сказал он и поставил на стол чайник.

— За нами люди Совета, — напомнила Мара.

— Значит, чай лучше пить быстро.

Эта спокойная фраза раздражала Армана. Он десять лет представлял выживших из экспедиции как людей, которые однажды вернутся и объяснят всё. Данияр сидел перед ним в старом свитере и выбирал чашки, будто главная проблема вечера — отсутствие сахара.

— Почему вы не пришли к нам? — спросил Арман. — Если вы вернулись, почему не пришли к семьям?

Данияр поставил чайник.

— Я пришёл.

Он рассказал, что через пять дней после возвращения добрался до дома. У подъезда уже стояли двое сотрудников службы контроля. Они не угрожали прямо. Просто показали фотографию его жены на работе и сына в школе. Сказали, что экспедиция затронула сведения чрезвычайной важности, а временная изоляция поможет защитить близких. Данияр подписал документ и исчез из их жизни добровольно.

— Через год жена решила, что я погиб. Через три вышла замуж снова. Я не имел права разрушать её жизнь второй раз.

Арман хотел обвинить его в трусости, но слова не вышли.

Данияр раскрыл старый журнал экспедиции. На полях были записи Ильяса — короткие формулы вперемешку с бытовыми заметками. «Рашид опять спорит с датчиками». «Лейла уверена, что нашли старую дорогу». «Алия требует повторить измерение». Почерк отца ударил сильнее, чем фотография.

— Ильяс верил, что информация должна принадлежать людям, — сказал Данияр. — Именно поэтому всё и закончилось так плохо.

Он объяснил, что группа обнаружила не только поселения за куполом. Они нашли сеть старых ретрансляторов проекта ZERO. Некоторые до сих пор работали. Ильяс понял: если Совет восстановит систему полностью, он сможет не просто

скрывать внешний мир, а прогнозировать поведение населения.

— Тогда отец решил остаться в А-17?

— Сначала — закрыть его. Потом связь исчезла.

Данияр достал металлический ключ и долго держал его в ладони, прежде чем передать Арману.

— Я берег его десять лет. Всё надеялся, что однажды он не понадобится.

— Что он открывает?

— Путь наружу. И, возможно, путь к твоему отцу.

Снаружи едва слышно жужжал дрон.

Данияр поднял взгляд к потолку.

— А теперь нам действительно пора пить чай в другой жизни.

Данияр не ограничился рассказом об экспедиции. Он достал из шкафа металлический футляр и открыл его старым механическим ключом. Внутри лежало двенадцать жетонов с именами.

— Это все, кто вернулся? — спросила Мара.

— Все, кто вышел из А-17 после первой аварии.

Арман прочитал фамилии. Некоторые были перечёркнуты. Рядом с тремя стояли маленькие точки.

— Почему отмечены эти?

— Мы договорились раз в год подавать сигнал, что живы. Трое ещё отвечают. Я, Лейла и один человек на востоке. Остальные исчезли.

— Совет?

— Не всегда. Один пытался продать данные. Другой сошёл с ума после того, как начал помнить две разные жизни. Третий просто ушёл и не вернулся.

Арман поднял взгляд.

— Две жизни?

Данияр сжал губы.

— Тогда мы не понимали, что это связано с Нулём. Он был уверен, что у него есть дочь. Помнил её детство, голос, день рождения. Но у него никогда не было детей.

Мара и Арман переглянулись. То, что позже охватит целый город, начиналось уже тогда.

— Почему вы никому не рассказали?

— Рассказали. Совет назвал это посттравматическим расстройством и засекретил медицинские отчёты.

Данияр достал ещё один предмет — маленький прибор с треснувшим дисплеем.

— Это было у Ильеса в день аварии. Он передал мне перед тем, как вернулся внутрь.

Арман включил устройство. На нём сохранилась единственная строка: «ЕСЛИ Я НЕ ВЕРНУСЬ, НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ИМ ИСПОЛЬЗОВАТЬ АРМАНА».

Он перечитал несколько раз.

— Меня?

— Тогда тебе было девять. Мы решили, что Ильяс говорит о шантаже семьёй. Теперь я не уверен.

Арман почувствовал злость.

— Все знали что-то обо мне, кроме меня.

— Ты был ребёнком.

— А потом перестал.

Данияр не спорил.

— Мы ошиблись, — сказал он. — Секреты редко остаются защитой. Рано или поздно они становятся клеткой для тех, кого якобы защищают.

Мара спросила о Рашиде. Данияр рассказал, что её отец остался с Ильясом после первой эвакуации. Он пытался вручную отключить один из ретрансляторов. Последнее сообщение от него пришло через восемь часов: «Если Мара когда-нибудь спросит, скажите, что я не был героем. Я просто слишком поздно понял, во что мы ввязались».

Мара отвернулась к окну.

— Он всегда ненавидел пафос.

— Именно поэтому я запомнил фразу.

Данияр налил ей воды. Арман впервые увидел, как её руки заметно дрожат.

Он хотел сказать что-то правильное, но не нашёл слов. Просто поставил рядом чашку. Мара коротко кивнула.

Снаружи прошёл луч дрона.

Данияр мгновенно изменился. Старик, который минуту назад рассказывал о прошлом, стал человеком экспедиции. Он выключил лампы, отодвинул шкаф и открыл узкую нишу со старым передатчиком.

— Если доберётесь до Нуля, найдите Лейлу. Не доверяйте никому только потому, что он был другом ваших родителей. Даже мне.

— Почему?

— Потому что Ноль умеет делать правду удобной.

Тогда стекло окна треснуло.

За окном прошёл луч дрона.

— Они здесь, — сказал Данияр.

Данияр указал на коридор.

— Западные ворота. Сервисный шлюз семь.

— А вы?

— Я задержу их.

Арман хотел спорить, но Данияр перебил:

— Хочешь найти отца? Тогда впервые в жизни выйди за купол.

Глава 6. За стеной

Западный шлюз встретил их предупреждениями, которые Арман видел с детства: **ВНЕШНЯЯ СРЕДА ОПАСНА. ВЫХОД БЕЗ ЗАЩИТЫ ЗАПРЕЩЁН.**

Ключ Данияра открыл внутреннюю дверь.

Перед шлюзом Арман замедлил шаг. На стене висели детские рисунки, оставшиеся от какой-то школьной экскурсии: чёрные облака, люди в защитных костюмах, купол как огромный щит. На одном рисунке ребёнок изобразил внешнего зверя с тремя глазами и подписью «МУТАЦИЯ». Арман сам рисовал почти то же самое в семь лет.

В школе выход за стену показывали как смерть, только более официально. Учитель включал запись, где манекен без защитного костюма падал на землю после условного заражения. Потом детям выдавали карточки с правилами: не приближаться к аварийным дверям, сообщать о нарушителях, доверять только данным Совета. Арман мог повторить эти пункты даже сейчас.

Мара заметила, что он не двигается.

— Можем вернуться, — сказала она.

— Куда?

— Хороший вопрос.

Он коснулся внутренней двери. Металл был холодным. За ним находилось пространство, которое всю жизнь существо-

вало для Армана только как предупреждение.

Когда система начала анализ воздуха, каждая секунда казалась проверкой веры. Арман почти надеялся увидеть красную надпись. Тогда хотя бы часть мира осталась бы прежней.

Но показатели были зелёными.

Он несколько раз перечитал слово «НОРМА». Потом потребовал повторный анализ. Система послушно повторила. Результат не изменился.

— Может, датчики сломаны, — сказал он.

Мара достала переносной анализатор из сумки.

— Я думала, ты это скажешь.

Её прибор показал то же самое.

Арман рассмеялся. Сначала тихо, потом громче. В смехе не было веселья. Это была реакция человека, которому только что сообщили, что одна из главных истин его жизни оказалась настройкой интерфейса.

Вторая дверь начала открываться. В щель ворвался воздух. Он был прохладнее городского и пах чем-то незнакомым — мокрой землёй, травой, водой. Арман инстинктивно задержал дыхание.

Мара вышла первой.

— Если умру, скажешь, что я была права.

— Кому?

— Разберёшься.

Она вдохнула полной грудью и демонстративно подождала.

Ничего.

Арман сделал шаг следом. Потом ещё один. Под ботинком хрустнул маленький камень. Небо оказалось огромным. Без дуги, без сетки обслуживания, без искусственных звёзд. Он поднял голову так резко, что закружилась голова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.